

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОДА РОМАНОВЫХ

В современном немецком издании энциклопедии Брокгауза «просопография» определяется как «исследование общих отличительных черт развития группы исторических лиц через обобщенное изучение их автобиографий»¹. Среди исторических исследований в последние годы растет количество работ просопографического характера. Кроме известных изысканий А.А. Зимина², можно указать на работы А.П. Каждана, исследовавшего социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. с применением количественного анализа³, Д. Ливена, посвятившего свою работу изучению тенденций развития европейской аристократии с 1815 по 1914 г.⁴, Х.В. Шмуля, представившего картину развития буржуазной элиты в городских представительных органах Нюрнберга и Брауншвейга в XIX столетии⁵ и др.

Постоянно увеличивается число работ, посвященных биографии отдельных представителей рода Романовых. Однако они анализируют не тенденции развития рода в целом, а жизнь и деятельность того или иного члена рода. Количество подобных исследований свидетельствует о необходимости перехода к новому этапу изучения рода Романовых, связанного с задачей просопографического исследования, т.е. составления коллективной биографии рода. Для выполнения этой задачи важно учесть не только достигнутые историками результаты в области просопографических исследований, но и рассмотреть место рода в социальной структуре общества, что повлечет за собой расширение рамок исследования.

Среди исторических источников, на которых базируется исследование, не только материалы личного происхождения. Официальные документы с пометками лиц царствовавшего дома информируют о служебной карьере, экономическом фундаменте различных ветвей рода, а также о традициях, получивших развитие в рассматриваемый период. Так, чины венчания на царство, впоследствии коронационные чины, описание хода торжеств, черновая документация, связанная с подготовкой к проведению обряда, предоставляют сведения об одном из центральных событий в жизни государя. В соединении с источниками личного происхождения исследователь получает возможность понять причину высочайшего статуса этой традиции, соотнести изменения в ее ходе с изменениями внутри и внешнеполитическими, показать тесное взаимодействие через нее власти духовной и светской. В целом, просопографическое исследование, посвященное роду Романовых, кроме личных фондов его представителей затронет материалы

личных фондов приближенных, государственных деятелей и фонды государственных учреждений.

Изучая коллективную биографию рода Романовых, исследователь сталкивается с двумя событиями государственного значения, изменившими судьбу представителей рода и их статус. В соответствии с ними историю развития рода можно разделить на три этапа:

1. Боярский род Романовых, до 1613 г.;
2. Царствовавшая в России династия, 1613-1917 гг.;
3. Романовы в эмиграции, 1917 г. - до настоящего времени.

Намечая направления просопографического исследования, следует отметить следующие: выяснение индивидуальной судьбы по возможности как можно большего числа представителей рода; анализ приоритетов в заключении брачных союзов; рассмотрение изменений в коллективной самооценке рода; экономическая основа, на которой базировалось благополучие рода; последствия взаимодействия общества и рода Романовых, с того периода, как он занял ведущее место среди правящей элиты.

Первичным объектом исследования является отдельное лицо, принадлежавшее к роду Романовых (термины «семья», «фамилия» условно употребляются как равнозначные). В дальнейшем выделяются семьи или ветви рода, которые выступают как некие социально-политические общности.

До вступления на престол царя Михаила Федоровича род Романовых развивался как большинство родов, принадлежавших к боярской нетитулованной знати. Биографии лиц рода Романовых до 1613 г. изобилуют лакунами: не только генеалогические сведения часто неточны или отсутствуют, вставал вопрос о принадлежности упоминаемого лица к той или иной ветви рода. Выявляя и публикуя источники генеалогического характера, историки XIX столетия анализировали родословные росписи и стремились составить целостную картину развития рода до 1613 г.⁶ Так, в 1913 г. благодаря публикации келейного родословца патриарха Филарета и проведения сравнительного анализа рукописи со списками родословной книги, относящихся к XVI - XVII вв., напечатанных во «Временнике» Общества истории и древностей российских в 1851 г., удалось выявить ошибку в родословии рода Романовых. Изменилась связь детей Александра Беззубца: в келейном родословце Яков, Юрий и Василий Ляцкой приходились не сыновьями Беззубца, а внуками его брата Ивана Федоровича Кошки (Ковши). Как отмечал И.И. Мешанинов «вероятно, писец, дойдя до имени Михаила, перескочил через детей Василия и стал писать детей Юрия, начинающих с того же имени»⁷.

Брачная политика боярского рода Романовых не отличалась своей направленностью от политики других знатных фамилий. Анна, дочь Федора Кошки, в 1391 г. была выдана за удельного князя Федора Михайловича Микулинского, сына великого князя Тверского. Вторая жена Юрия Захарьевича - Ирина Ивановна Тучкова-Морозова: жена Василия Михайловича Юрьева (внука Юрия Захарьевича) - дочь князя Дмитрия Федоровича Бель-

ского Анастасия, родная сестра боярыни Евдокии Морозовой. Дочь Романа Юрьевича Захарьина Анна вышла замуж за князя Василия Андреевича Сицкого, а ее сестра Анастасия сделала в своем кругу одну из лучших партий, став в 1547 г. женой царя Ивана IV. Таким образом, Романовы, как и члены аристократических фамилий, породнились с большим числом боярских родов, ориентировались на правящую династию и близких к ней лиц, и не считали себя за особую, замкнутую группу внутри аристократии.

Традиция родниться с боярскими родами существовала до царствования Петра I, который смотрел на брачные союзы как на часть внешней политики России. Закрепленное законодательно Павлом I в «Учреждении об императорской фамилии» 5 апреля 1797 г. право императора, как главы рода давать согласие на брак, а также приоритет династических браков, так как иные лишали члена императорской фамилии права на престол, с течением времени ослабевало. Первым примером служит второй брак вел. князя Константина Павловича, в связи с которым он отрекся от прав наследования трона. Среди детей Николая I мorganатический брак заключила вел. княгиня Мария Николаевна, вышедшая замуж (вторично) за графа Григория Александровича Строганова. Нарушение принятой традиции совершил и сам глава рода Александр II, обвенчавшись с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой. В царствование Николая II мorganатические браки стали явлением распространенным. По свидетельству князя императорской крови Гавриила Константиновича в 1910 г., в связи с предполагаемым браком его сестры княжны Татьяны с князем Константином Александровичем Багратион-Мухранским, в императорской семье обсуждался вопрос о пересмотре закона в отношении браков. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, мнение которой, как считал Николай II, являлось решающим, согласилась с желательностью изменения закона в этом вопросе⁸.

После 1917 г. традиция заключения браков с членами царственных и владетельных домов утрачивает свою силу. Большинство браков, заключенных Романовыми в эмиграции являлись мorganатическими, что в соответствии с «Учреждением об императорской фамилии» препятствовало принятию на себя самодержавной власти. Браки Романовых за рубежом заключались в основном с членами родовитых русских или иностранных семейств. Так, например, если проследить матримониальные связи ветви Николаевичей, то видим, что дети вел. князя Петра Николаевича - Роман, Марина, Надежда соответственно заключили браки с графиней П.Д. Шереметевой, князем А.Н. Голицыным, князем Н.В. Орловым, а сын Романа Петровича Николай женился на представительнице древнего итальянского рода Герардеска. Фактически произошло возвращение к традициям Российского государства XVII в., когда первые Романовы, вплоть до Петра I, заключали браки с представителями русских дворянских фамилий, т.е. придерживались тех же правил, что и боярская аристократия.

Родословные росписи, используемые при анализе брачных союзов того или иного рода, ставят историка перед необходимостью исследовать их не только для сбора как можно более полных генеалогических сведений, но и изучать родословную легенду в качестве памятника общественных идей определенной эпохи. В связи с тем, что родословные росписи как исторический источник, связаны с деятельностью конкретных официальных лиц и ограничены четкими хронологическими рамками, их можно привлекать для уяснения взглядов различных социальных групп, дополнявших и объяснявших предания о происхождении рода.

Предания о происхождении рода Романовых дискутировались на протяжении столетий. Широкое распространение получило утверждение, высказанное в труде директора государственной медицинской экспедиции барона Бальтазара Кампенгаузена «Генеалогическо-хронологическая история пресветлейшего Дома Романовых...», изданном в 1805 г. в Лейпциге⁹. В нем автор вывел происхождение родоначальника бояр Романовых «от князя Гланда Камбилы или Камбилиона из пруссо-самогито-литовских державцев»¹⁰. П.П. фон Гец, составивший родословную таблицу владельцев предков российского императорского дома, считал, что если бы историки предыдущего столетия более подробно изучали родословную легенду Романовых, то изменилось отношение населения Польши к присоединению части ее территорий к России. Он писал в 1875 г. по этому поводу: «Удивительно, что еще ни один историк не заметил, что русский императорский дом в числе предков своих считает не одних только князей Литовских, но и древних польских королей как из дома Пиаста, так из дома Ягеллонов. Это обстоятельство, по-видимому, было совершенно неизвестно нашим государственным людям во время раздела Польши. Иначе можно бы было объяснить жителям перешедших к России провинций, что впредь над ними будут царствовать потомки их древних наследственных королевских династий»¹¹.

В 1913 г., подытоживая взгляда российских исследователей на родословную легенду Романовых, управляющий Московским архивом министерства юстиции профессор Д.В. Цветаев отмечал, что утверждение Кампенгаузена «все настойчивее признается в науке» мифическим¹².

Предметом спора историков XIX века был также вопрос о возможности прямого происхождения Романовых от Рюрика по женской линии, через Суздальскую княжну Евдокию Александровну, вторую супругу боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, деда царя Михаила Федоровича. В 1858 г. управляющий Гербовым отделением департамента герольдии Б. Кене послал запрос П.М. Строеву о происхождении Романовых по женской линии, на что получил ответ следующего содержания: «... если это не тайна, для чего необходима натяжка, чтобы Филарет Никитич, личность сама по себе великая и до сих пор не обрисованная как должно, непременно происходила от Рюрика, хотя бы по женской линии?»¹³

Изучение родословной легенды Романовых помогает при выяснении коллективной самооценки рода, т.к. многие из дошедших до нас родословий составлены по указанию самих Романовых, заинтересованных в закреплении преданий, связанных с их предками¹⁴.

Богатейший материал, включающий значительный комплекс источников личного происхождения, относится к периоду императорской России - начиная с XVIII столетия. Более ранние источники - до XVII в., не дают развернутых биографических сведений и подробной оценки действий приближенных и родственников. В связи с этим, исследователю гораздо легче осветить вопрос о коллективной самооценке рода в указанный период (XVIII - нач. XX вв.), т.к. именно переписка, мемуары, воспоминания позволяют понять духовный мир членов дома Романовых.

Среди факторов, помогающих установить уровень коллективной самооценки рода - степень участия в государственной жизни его представителей. В первую очередь он касается мужских представителей рода.

Причем традиция давать мальчикам военное образование и связанная с этим дальнейшая служба, шефство над гвардейскими полками, ставят вопрос о развитии системы воспитания внутри царского рода. Сохранившаяся переписка наставников, преподавателей с учениками и августейшими родителями (в основном относящаяся к XIX - нач. XX вв.) свидетельствует, что в этой области к началу XX в. произошли значительные изменения. Так, материалы личного фонда вел. князя Константина Константиновича, его жены и сына князя Иоанна Константиновича показывают, что в этот период начали осуществляться мечты основателя ветви Константиновичей - вел. князя Константина Николаевича об обучении вел. князей в Московском университете, получении ими высшего гражданского образования. Ранее главным препятствием для этого были придворные взгляды. Внуки Константина Николаевича смогли претворить в жизнь эту идею - князь Олег Константинович получил высшее гражданское образование, окончив Александровский лицей впервые в истории рода; князь Игорь Константинович получил военное образование не в домашних условиях, а пройдя курс вместе с другими учениками в Пажеском корпусе, будучи «приходящим в полном смысле слова»¹⁵. Причины изменений в системе воспитания объяснены в воспоминаниях князя Гавриила Константиновича: «Дети императора Николая Павловича, как Александр II, мой дед, и великие князья Николай и Михаил Николаевичи, были в свое время как бы полубоги: в то время они были единственными великими князьями на всю Россию. Их дети, как и мой отец и дядя (вел. князья Константин и Дмитрий Константиновичи - Т.Л.), конечно, занимали высокое положение, но уже иное, чем их отцы, так как великих князей было уже много. А их внуки, как мы, хотя и были в исключительном положении, но уже опять поиному, чем наши отцы и деды»¹⁶.

Монополизация важнейшей государственной функции - военно-административной деятельности, происходит сразу по воцарении Романовых. В XIX столетии эта тенденция нашла более яркое проявление в назначении лиц рода на руководящие посты в различных родах войск. Усложнение системы военно-административной машины привело к четкой градации подчинения среди Романовых, занимавших военные должности.

При рассмотрении материалов личных фондов членов династии, мемуаров, записок, воспоминаний приближенных и государственных деятелей встает вопрос о том, какими чертами наделяли современники представителей царского рода. Очевидно, что в политическом сознании в первую очередь нашел отражение факт причастности к высшей государственной власти. Определенную трудность для исследователя представляет задача изучения точки зрения народных масс на личности и царствования представителей рода Романовых. Среди материалов личных фондов хранятся обращения с просьбами различного характера (в основном материальными) от крестьян, бывших в собственности Романовых, деятелей культуры, искусства, представителей благотворительных обществ, которые патронировали члены династии. Однако процент этих прошений невелик. Узнать о реакции населения на встречи с императорской фамилией, действия отдельных представителей рода более подробно можно в дневниках и мемуарах государственных деятелей, видных представителей дворянства. Хотя подобные сведения мы получаем из вторых рук, для историка интересны и эти данные, а также то, как мемуаристы преподносят их, в каком контексте используют и как толкуют.

Изучая уровень коллективной самооценки Романовых следует обратить внимание на создание при Павле I широкой государственной системы благотворительности, которую патронировала императрица и женские представительницы рода. Степень их активной деятельности на этом поприще имеет значение для понимания роли, которую стремилась играть в империи государыня и вел. княгини.

Каждое новое поколение Романовых ориентировалось на новые социальные, культурные, мировоззренческие принципы, свойственные тому периоду, в котором они действовали. Впитывая опыт и знания предшествовавших поколений, они начинали оценивать действия своих предков, составляя новое направление в осмыслении роли Романовых в истории - Романовы о Романовых.

Интерес к своим родственникам нашел отражение в трудах вел. князя Николая Михайловича; архивные материалы о супруге Александра I императрице Елизавете Алексеевне собирал вел. князь Сергей Александрович; вел. князь Константин Константинович в конце жизни приступил к подготовке издания о вел. княгине Елене Павловне; его сын князь Олег собирал документы для монографии о своем деде - вел. князе Константине Николаевиче; вел. князь Георгий Михайлович увлекался нумизматикой и спо-

собствовал изданию описания монет по царствованиям от Петра I до Александра III. Практически все члены рода, жившие во второй половине XIX в., интересовались и осмыслили легенду о старце Федоре Кузьмиче. Вел. князь Николай Михайлович санкционировал специальную экспедицию для сбора документов о легендарном отшельнике и посвятил ему отдельное исследование, где обосновал свою точку зрения на распространное утверждение, что Федор Кузьмич являлся ушедшим от мира императором Александром I.

Важнейшими факторами исторического прошлого являются факторы духовные. Мы имеем возможность познакомиться с мыслями и переживаниями многих представителей рода благодаря дневниковым записям, нередко очень подробным, отражавшим внутреннюю борьбу, переживания, реакцию на решения главы рода по государственным и внутрисемейным вопросам. Они помогают проследить формирование личности представителей дома Романовых, в случае, если личный фонд содержит дневники за длительный промежуток времени (дневники вел. князей Константина Николаевича, Константина Константиновича, князя Олега Константиновича и др.). Переписка и воспоминания дополняют сведения дневников и помогают восстановить картину изменений взглядов автора на одну и ту же проблему, понять их влияние на личность.

С коллективной самооценкой рода связано оформление его статуса в геральдике. В дореволюционной литературе, особенно в преддверии юбилейных торжеств 1913 г., появилось множество исследований, посвященных происхождению родового герба Романовых¹⁷.

Герб рода Романовых был утвержден лишь в царствование Александра II, согласно рисунку, составленному Б. Кене, сохранившим главный мотив прапора боярина Никиты Ивановича Романова - грифа с поднятым мечом. Гриф употреблялся в качестве семейной эмблемы, а при окончательной фиксации герба стал родовым гербом, вошедшим составной частью в Большой и Средний государственные гербы Российской империи.

«Учреждение об императорской фамилии», утвержденное Павлом I, регламентировало использование государственного герба всеми членами династии. В зависимости от степени родства с императором, представители рода имели право пользоваться государственным гербом со знаком московского герба на груди орла или без него¹⁸. Использование государственного герба в личных гербах членов императорского дома впоследствии развивается.

В 1857 г, кроме родового герба Романовых был утвержден родовой герб Его Императорского Высочества, включавший романовский герб и герб Голштейн-Готторпов. В период своего правления члены династии использовали на своих печатях изображения герба государства, который нашел отражение в личных гербах мужских и женских представителей рода, утвержденных в том же 1857 г. гриф мог вовсе отсутствовать в малых

гербах, принадлежавших супругам вел. князей и императриц. В малых гербах младших сыновей императора от родового герба осталась только кайма из герба рода Романовых с восемью оторванными львиными головами. Но государственный герб - двуглавый орел, включался в состав всех личных гербов представителей рода. Тем самым в символике на первый план выдвигался вопрос о месте Романовых в социальной среде. Для монарха и членов его семьи приоритет оставался за государственным гербом, отражавшим место рода в иерархии правящей элиты империи. Такое же отношение к государственному гербу было свойственно, например, германским императорам¹⁹.

Личные гербы членов императорского дома не только показывали место ее представителя во внутренней структуре рода, но и могли содержать сведения о характере занятий. Так, в примечании к разделу «Гербы Их Императорских Высочеств, Великих Князей, младших сыновей Императора», утвержденного 11 апреля 1857 г., подробного описания гербов членов императорского дома, отмечалось: «К эмблемам герба, означаящим занимаемую членом Императорского Дома степень в нисходящей от Императора линии, могут быть присоединяемы к гербу его, по изволению царствующего Императора, особые знаки, для отличия его герба от гербов других членов той же степени. Так в настоящее время (1857 г.), в гербе Его Императорского Высочества, Великого Князя Константина Николаевича, генерал-адмирала, к щиту присоединяется позади его два якоря; к гербу Его Императорского Высочества, Великого Князя Николая Николаевича, генерал-инспектора инженеров, две секиры; к гербу Его Императорского Высочества, Великого Князя Михаила Николаевича, генерал-фельдцейхмейстера, две пушки»²⁰.

Постепенно внутри императорского дома вырабатывается четкая внутренняя иерархия, которая нашла свое выражение не только в титулатуре и имущественном содержании, но и в геральдике. В 1797 г. Павел I начал, а Александр III, дополнив в 1886 г. «Учреждение об императорской фамилии», завершил законодательную разработку основных принципов, в соответствии с которыми осуществлялась градация внутри императорской фамилии и четко указывались «внешние преимущества», в зависимости от степени родства с главой династии.

Дальнейшее изучение коллективной биографии рода Романовых требует обобщения данных, собранных в исследованиях, посвященным отдельным представителям династии, что позволит не ограничиваться характеристикой деятельности исторических лиц, а показать взаимное влияние социальной, культурной, общественно-политических сфер и элитной группы, стоявшей более трех веков на высшей ступени иерархической лестницы Российского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Brockhaus Enzyklopadie in vierundzwanzig Banden. Mannheim, 1992. Bd. S. 543.

² **Зимин А.А.** Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 161-188; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV - первой трети XVI в. М., 1988.

³ **Каждан А.П.** Социальный состав господствующего класса Византии XI-XII вв. М., 1974.

⁴ Lieven D. The aristocracy in Europe, 1815-1914. New York: Columbia univ. Press, 1992.

⁵ Schmuhe H.-W. Bürgerliche Eliten in städtischen Repräsentativorganen: Nürnberg und Braunschweig im 19. Jh. // Bürger in der Gesellschaft der Neuzeit. Jöttingen, 1991. S. 178-198.

⁶ См. напр.: Савелов Л.М. Бояре Романовы и их родословные связи. М., 1914.

⁷ Юбилейный сборник Императорского С-Петербургского Археологического института. 1613-1913. СПб., 1913. С. XXIV; Родословная книга великого Российского государства великих князей... // Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1851. Кн. X. С. 1-286. Раздел «Материалы».

⁸ Гавриил Константинович, кн. В Мраморном дворце. СПб., 1993. С. 80.

⁹ Campenhausen Balthasar. Jenealogisch-Chronologische Geschichte des Allerdurchlauchtigsten Hauses Romanow und seines Voralterlichen Stammhauses. Leipzig, 1805.

¹⁰ Кампенаузен Б. Указ. соч. // Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. /Сост. Н. Селифонтов. СПб., 1901. Т. 1. С. 38.

¹¹ Гец П.П., фон. Родословная таблица владетельных предков Российского императорского дома //Русская старина. 1875. № 2. С. 455.

¹² Цветаев Д.В. Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913. С. 38.

¹³ Барсуков Н. Жизнь и труды П.И. Строева. СПб., 1878. С. 567.

¹⁴ См. напр.: Родословная келейная книга патриарха Филарета Никитича // Юбилейный сборник Императорского С.-Петербургского Археологического института. 1613-1913. СПб., 1913. С. 1-104; Родословие русских великих князей и царей, составленное австрийским герольдмейстером Лаврентием Хуреличем в 1673 г. // Родина. 1993. № 2. С. 32-35.

¹⁵ Гавриил Константинович, кн. Указ. соч. С. 85.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См. напр.: Тройницкий С. Герб дома Романовых на предметах, хранящихся в Московской Оружейной палате // Гербовед. 1913. Февраль. С. 25-27; Таубе М.А. Из истории герба Дома Романовых. // Догадка о происхождении Романовского грифа. // Гербовед. 1913. Июль. С. 109-117; Лукомский В. Герб рода Романовых. // Летописный и лицевой изборник Дома Романовых. М., 1913. Вып. 1. С.109-113 и др.

¹⁸ РСЗ-1, СПб., 1830. Т. XXIV. № 17906. С. 530-531.

¹⁹ Stillfried R., von. Die Attribute des neuen Detschen Reiches. Berlin, 1882.

²⁰ РСЗ-11. СПб., 1858. Т. XXXII. Отд. 1. № 31720. С. 304.